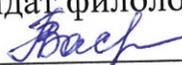

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра русского языка и общего языкознания

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Заведующий кафедрой

кандидат филологических наук, доцент

 Л.В. Басова
23 июня 2023 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

**ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ «ДРУГОГО»: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТОВ СТУДЕНЧЕСКИХ
ОБМЕНОВ МЕЖДУ США И СССР В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

45.04.01 Филология

Магистерская программа «Глобальная русистика»

Выполнила работу
студентка 2 курса
очной
формы обучения

Яновская Надежда
Аркадьевна

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Школы исследования окружающей
среды и общества

Фокин Александр
Александрович

Рецензент:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и литературы Челябинского
государственного университета

Полушкин Александр
Сергеевич

Тюмень
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБРАЗЫ «ВРАГА» КАК ОСНОВА КОНТСТРУИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ «ДРУГОГО»	12
ГЛАВА 2. ЯЗЫКИ «ДРУГОГО»: СОВЕТСКОЕ И АМЕРИКАНСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ.....	22
2.1 АМЕРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В СССР	22
2.2 СОВЕТСКИЕ СТУДЕНТЫ В США.....	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	55

ВВЕДЕНИЕ

Категория «другого» и пути конструирования его содержания по средствам языка – основа для междисциплинарных исследований, поскольку, с одной стороны, его содержание определяется историческим контекстом, с другой – испытывает на себе прямое влияние со стороны систем языка, в которых они воспроизводятся. Изучение «другого» как научной категории напрямую связано с традицией ее исследования в рамках диалога и коммуникации, начатой в работах М.Бахтина, который называл ее средством определения себя через образ другого [Демидова]. При этом формируемые образы существуют в определённой созависимости, поскольку их содержание оформляется применительно к конкретным участникам и ситуации, в которой происходит их взаимодействие [Бахтин, с.218-219].

В условиях ограниченности возможностей объективного восприятия целостной картины «своего», формирование образа другого становится средством идентификации. Существование этих противостоящих друг другу миров, закрепляемое на уровне сознания через образы и языки «другого», одновременно является способом конструирования собственной идентичности [Репина, с.10]. И в СССР, и в США интеграция людей в послевоенные годы нуждается в мощных основах, в качестве которых в условиях холодной войны используется образ «врага» - тот самый образ «другого», требующий специальных языковых единиц выражения, подчеркивающих его чуждость и инаковость. Создание таких образов осложнялось формально изолированным положением стран, разделенных «железным занавесом», что оказывало большое влияние на отрыв формируемых описаний и стереотипов восприятия от действительных. Поэтому феномен студенческих обменов между странами в этот период ставил под вопрос содержание образов «другого» и мог повлиять на их реконструирование с использованием новых средств языка.

Актуальность исследования определяется динамикой современных международных отношений, система которых последний раз значительным

образом была перестроена по итогам холодной войны. В основании существующих в современном мире противоречий лежит сформированная исторически модель антагонистических отношений «свое» - «чужое», которая наследует опыт предшествующих практик идентификации «другого», производимых в том числе и по средствам языка. Глобальный процесс определения содержания чужого в предшествующий исторический период получил выражение в условиях холодной войны: обстановка и процессы, заключенные в рамки противостояния СССР и США, побуждали каждую из сторон формировать образ противника, отделенного «железным занавесом», которые по мере обострения конфликта обростали новыми мифологемами. Формально существуя обособленно, они образовывали взаимозависимую дихотомию, которая была направлена на идентификацию, прежде всего, своей державы и закрепления ее фундаментального отличия от противника, образуемого по средствам создания «специальных языков» описания. Именно в языке проводимые разграничения становились осязаемыми, закрепляя инаковость на новом уровне и фиксируя ее черты в памяти народа, оказывая тем самым прямое влияние на их образные структуры «своего» и «чужого». Сформированный образ «другого» становился частью дискурсивного пространства этих стран и во многом наследуется современностью, поскольку часть из них исследователи фиксируют в современном политическом мире [Бессонова, с.165-166], а значит от понимания природы их возникновения и степени достоверности закреплённой в них информации зависит успешная реализация внешнеполитического диалога в современной России.

Кроме того, образы «другого» оказывают прямое влияние на построение межкультурного диалога, так как они ориентируют и определяют поведение индивида в ситуациях контакта с ним [Репина, с.11], что также актуализирует изучение исторических контекстов для определения их актуального и архаического содержания.

Научная новизна работы определяется анализом источников студенческих обменов с точки зрения установления особенностей языков, с

помощью которых в них конструируется образ другого. Также в рамках исследования был произведен подробный анализ эгодокументов Н.Коллинз и А.Яковлева, которые не были исследованы в предшествующей традиции изучения вопроса о студенческих обменах.

В качестве **объекта исследования** выступают образы «другого», формируемые студентами – участниками обменов между СССР и США в годы холодной войны. Взгляды иностранных стажеров и их субъективные образы советской действительности в рассматриваемых хронологических границах обладают наибольшим потенциалом в сравнении с туристическими и дипломатическими визитами. Кроме очевидного преимущества в продолжительности проживания в стране, статус студентов позволял его участникам проникать в неофициальное студенческое сообщество, которое не было сконструировано для них, как это делалось при подготовке к встрече дипломатических миссий и делегаций разных уровней. Тем самым они избегали привычной для других иностранцев замкнутости жизни в кругу, состав которого был строго регламентирован и отвечал за трансляцию государственных мифов, а не за их действительное отражение или отсутствие в реальной жизни, с которыми сталкивались участники программы, что позволяло им стать включенными наблюдателями другой реальности.

Предметом исследования являются языковые особенности трансляции образов «другого» в документах студенческих обменов между СССР и США в рамках действия программы.

Для более точного понимания рамок исследования необходимо определить *категорию студентов*, выступивших участниками программы. Основной документ – соглашение Лейси - Зарубина, регулирующий реализацию программы обмена, не устанавливает возрастных рамок для участников и определяет только время их пребывания на территории принимающей стороны – один академический год равный девяти месяцам. Одновременно анализ фактического круга лиц, привлекаемых к обмену, показывает, что они не являлись студентами с точки зрения привычного восприятия. Как правило лица,

направляемые в другую страну, уже обладали значительными академическими знаниями, а основной целью их пребывания было не столько обучение, сколько проведение научных исследований, которые за счет получения доступа к источникам и литературе другой страны, могли быть реализованы наиболее полноценно. Как правило, значительная часть студентов к этому моменту уже состояла в браке, а их возраст близился к 30. Однако официально их статус закреплялся как студенческий, поэтому, следуя историографической традиции, в работе мы также будем использовать данное определение участников обмена в качестве основного. Синонимом данного понятия в англоязычных источниках выступает слово «стажер».

Хронологические рамки исследования включают первые десять лет реализации программы обмена между США и СССР. В качестве нижней границы мы устанавливаем 1958 год, когда на фоне потепления в отношениях между странами было подписано соглашение по реализации программы обмена, получившее название по именам участников его подписания – «Соглашение Лесли- Зарубина от 27 января 1958 года». Верхняя граница, в свою очередь, связана, с одной стороны, с источниковой базой исследования, поскольку корпус имеющихся документов описывает период обмена до 1968 года (академический год пребывания в СССР Филиппа Т.Гриера). Одновременно в 1968 году изменяется система реализации программы со стороны США: контроль ее осуществлению передается специально созданному Совету по международным исследованиям и обменов (IREX). Тем самым от дел отходит один из идейных вдохновителей программы Роберт Бирнс, подводя итоги работы Межуниверситетского комитета, регулирующего вопросы выдачи грантов на обучение за границей, в своем докладе [Крымская, 2017, с.210-212].

Цель данной научной работы состоит в выявлении способов трансляции образов «другого» через язык, конструируемых участниками в ходе обменов, и установлении их соотношения с существовавшими образами, формируемыми извне, что позволит понять, насколько на самом деле «другая» культура была

чуждой и непонятной, и одновременно какие точки соприкосновения обнаруживались у людей в полярном мире.

В ходе проведения исследования были реализованы следующие **задачи**:

1. Изучить и описать образы «врага», конструируемые в процессе холодной войны между СССР и США внутри общества в каждой из противостоящих держав.
2. Провести лингвистический анализ документов и свидетельств участников программы студенческого обмена для выявления единиц описания «другого» и установления их содержания.
3. Сопоставить образы «другого», существовавшие внутри обособленных культур, с полученными в результате включенного наблюдения для установление сходных и отличных идейных конструктов с последующим выявлением причин их возникновения.

Историография проблемы включает в себя научные работы в области языкознания и истории. Мы обращаем внимание на исследования исторического содержания, поскольку их авторы, стремясь описать как внутреннюю, так и внешнюю жизнь стран в условиях холодной войны, освещают исторические реалии, которые оказывали прямое влияния на реконструируемые в данной работе образы, определяя в разной степени их содержание – действительное или мифологическое. Среди фундаментальных исследований периода «оттепели» в отечественной историографии можно выделить работу А.В.Пыжикова, в которой описывается исторический контекст эпохи, включая положение и настроения советского студенчества этого периода. В свою очередь внешнеполитические колебания, во многом благодаря которым и появился феномен культурного обмена между странами, разделенными железным занавесом, освещает в своей монографии Ю.В.Аксютин. Автор анализирует динамику «культурного потепления», обнаруживая его причины и влияния на существовавшую в мире дихотомию.

В данном исследовании мы также обращаемся к работам, объектом изучения в которых выступает студенчество и его участие в иностранных

обменах. Реалии жизни учащихся в ведущем университете страны - МГУ периода «оттепели» в своей монографии попыталась реставрировать О.Г. Герасимова. Несмотря на значительную критику в отношении этой книги, она содержит большой объем фактической информации, включающий описание положения студентов-иностранцев в МГУ [Герасимова, с.127-138]. Их сопоставление с конструируемыми на основе нашего анализа образами «другого» позволяет идентифицировать их как описание реалий с установлением степени искажения. Это дает возможность охарактеризовать условия восприятия другого и установить их возможное влияние на конструирование содержания образов «другого» в сознании участников. Механизм студенческих обменов как инструмент «мягкой силы» во внешней политике СССР и США в послевоенный период изучается с опорой на практики, реализуемые в странах советского блока, а также в регионах, где интересы противостоящих держав пересекаются [Цветкова, 2006; Цветкова, 2007].

Программы студенческого обмена анализируются и в корпусе исследований в сфере культурной дипломатии. В отечественной историографии данная тема представлена работами О.С. Нагорной и коллективом авторов монографической работы под ее редакцией [Советская культурная дипломатия..., с.96-121]. Несмотря на то, что в ней в качестве студентов по обмену не рассматриваются американские стажеры, авторами раскрываются механизмы и целевые установки реализации обменов в других странах. Аналогичная ситуация с исследованием студенческих обменов, которое Бекленищева М.В провела на региональном материале, позволяет нам использовать данные о жизни иностранных студентов не только в центральной части страны, но и на периферии. В западной историографии особого внимания заслуживает работа Й. Ричмонда, в которой он проводит анализ различных соприкосновений своего и «чужого» в сфере культуры в биполярном мире, в том числе затрагивая вопросы реализации условий соглашения Лейси-Зарубина.

Несмотря на то, что анализируемые в рамках данного исследования материалы не являлись объектом исследований в области языкознания, мы

обладаем корпусом научных изысканий вариантов и содержания определения категорий «другого» на других материалах периода холодной войны, где историческая перспектива сочетается с лингвистическим анализом. Внимания заслуживают труды, посвященные вопросам отражения «другого» в учебных материалах, издаваемых в период оттепели в СССР. Так М.А. Литовская выявляет способы отражения «другого» путем анализа учебных материалов для изучения английского языка, которые в связи с решением об улучшении процесса обучения в этой сфере активно переиздавались в шестидесятые годы, транслируя образы другой языковой действительности. Структура и содержание используемого в них материала по мнению исследователя «задавали учащемуся верное отношение к чужому миру» и учили выстраивать границы. Использование в качестве основного средства обучения креализованного текста сосредотачивало преимущественное внимание учащихся на изображениях другой действительности с уклоном в сферу быта [Литовская, с.237 - 246]. При этом быт лишался специфических черт, фактически советизировался, что автором трактуется как намеренное ограничение привлекательности «другого». В этих условиях исключался компонент «другого» как на уровне изображений, так и на уровне языка: авторы избегали включения в учебник как изображений, так и слов, выступавших маркерами исключительно англоязычной культуры. Поэтому М.А. Литовская приходит к выводу о том, что итоговый неосознанно формируемый под влиянием этих учебников образ был искусственно создан и мало соприкасался с действительным. При этой ограниченности в учебниках периода «оттепели» был сделан значительный шаг на пути к знакомству с другой культурой, поскольку согласно произведенному М.А.Майофисом анализу предшествующих учебных материалов по языку в них каких-либо объективных элементов «другого» не было ни на уровне текста, ни на уровне иллюстраций.

Значительный корпус работ связан с описанием образов врага в кинематографе, который исследуется в рамках научного проекта «Образы врага в массовой культуре холодной войны». Одним из результатов работы стал выпуск коллективной монографии о символической политике в кино периода

холодной войны, где не только описываются элементы конструируемого образа, но и целевые установки их реализации в разных сферах жизни общества внутри СССР и США [Враг номер один]. Несмотря на отсутствие анализа непосредственно использованных в них средств языка, они позволяют определить основные составляющие этого образа для двух стран.

Среди материалов текстуального характера внимание филологов привлек «Русский дневник» Дж. Стейнбека, который он написал по следам своего путешествия в Советский Союз в 1947 году. Увидев СССР в условиях другого исторического контекста, он тем не менее заложил основы описания «другого», своего рода эталоны того, что должно было быть описано иностранцами, оказавшимися внутри чужой культуры. При анализируемые в данной работе материалы не только отражают сходные тематические категории, но и содержат элементы, повторяющие идейно содержание дневника Дж.Стейнбека.

Таким образом предшествующая историографическая традиция позволяет составить описание исторического контекста эпохи и реалий жизни студентов, дает ограниченный круг образов «другого», который, однако, выделяется исследователями не на материалах языка, что и является ключевой целью написания данной работы.

Теоретико-методологической основой исследования выступает дискурсивный анализ, позволяющий изучить и языковой контекст воспоминаний студентов-участников обменов, и реконструировать на его основании контекст социальный в конкретных исторических условиях. Тем самым в рамках нашего междисциплинарного исследования, соединяющего в себе историческую и лингвистическую науки, реализуется их эффективный синтез.

На основе этого подхода в ходе работы по установлению содержания образа «другого» был проанализирован корпус документов, включающий **четыре группы источников.**

Первую группу составляют законодательные и нормативные документы, которые представлены соглашением Лейси – Зарубина. Также в состав данной группы включаются нормативы работы советских архивов.

Вторая группа источников включает отчет Посольства СССР в США о посещении советских студентов в 1958 году, содержащий информацию о положении участников первого года работы программы. С американской стороны эту группу источников дополняет текст пресс-релиза Бюро информации Колумбийского университета об окончании стажировки советских студентов.

Третья наиболее представительная группа источников – это эгодокументы, созданные как в процессе участия в программе, так и по его следам. Со стороны США в работе использованы опубликованные в 1982 году материалы Ш.Фицпатрик (пребывала в СССР на протяжении 1966-1967 академического года) и фрагментарные свидетельства Филиппа Т.Гриера (1968-1969 академический год). Наиболее объемным является записанное в 2012 году интервью Н. Коллинз (жена участника обмена Дж. Коллинза), часть которого освещает ее впечатления от жизни в СССР на протяжении 1965-1966 академического года. Советский корпус эгодокументов составляют опубликованные воспоминания О. Калугина и А. Яковлева. Во втором случае – это материалы личного архива, созданные непосредственно в процессе участия и сразу после. Также в рамках исследования были изучены воспоминания Н.С.Хрущева за интересующий нас период, где отражено отношение власти к вопросам открытия обмена и причины его поддержки советской стороной.

Четвертая группа источников – это статья в периодическом издании Times от 1962 года «U.S. students in Russia», в которой в публицистическом стиле описываются впечатления, жизнь и быт студентов обмена 1962-1963 академического года.

Источниковая база исследования в совокупности с имеющимися в историографии устоявшимися представлениями об образе «врага» времен холодной войны позволяют в рамках нашего исследования путем синтеза исторического и филологического знания сконструировать образы другого на основе текстового материала.